

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Научная статья

Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей

Э.В. Хилханова

Институт языкознания РАН

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28

Аннотация. В статье рассматривается российская этническая миграция на примере бурятских мигрантов в Западной Европе. Отмечается малоизученность этой темы и принадлежность исследуемой группы к интеллектуальной миграции. Предметом исследования становятся иноязычные компетенции данной группы, особенности функционирования иностранных языков в постмиграционной жизни, а также взаимосвязь между языками и социальным кругом общения бурят-мигрантов. На материалах интервью и этнографического наблюдения делается вывод об изменении характера современной миграции в сторону усиления мобильности и трансмиграции, стирания границ между временной, циркулярной и другими видами миграции. Это влияет в первую очередь на молодежь, ведя к ослаблению групповых идентификационных стратегий, включая этнические, и к усилению индивидуальных и космополитичных тенденций. Многоязычные языковые компетенции бурятских мигрантов тесно связаны с высоким уровнем образования и используются как символический ресурс для реализации профессиональных и личностных целей. Языковые стратегии и практики при этом широко варьируются в зависимости от жизненных планов, семейного статуса мигрантов и ряда других внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: бурятские мигранты, интеллектуальная миграция, Западная Европа, иностранные языки, лингвистические компетенции, дружеские контакты, английский язык, китайский язык

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.04.2021

Дата принятия к печати: 14.06.2021

Модератор: У.М. Бахтикирева

© Хилханова Э.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование:

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

Для цитирования:

Хилханова Э.В. Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 255—267. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Research Article

The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies

E.V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of RAS National Language Relations Research Center
1/1, building 28, B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The article examines the Russian ‘ethnic’ migration on the example of Buryat migrants in Western Europe. It is noted that this topic is poorly studied and that the group under investigation belongs to intellectual migration. The subject of the study is foreign language competence, peculiarities of the functioning of foreign languages in post-migration life, as well as the relationship between languages and the social communication circle of Buryat migrants. Based on the materials of interviews and ethnographic observations, a conclusion is made about the change in the nature of modern migration towards increased mobility and transmigration, the blurring of the boundaries between temporary, circular and other types of migration. This primarily affects young people, leading to the weakening of group identification strategies, including ethnic ones, and to the strengthening of individual as well as cosmopolitan tendencies. In communication with friends and partners a wide repertoire of Western and Eastern foreign languages is used, among which English certainly dominates. Multilingual linguistic competencies by Buryat migrants are closely related to their high level of education and are used as a symbolic resource to achieve professional and personal goals. Language strategies and practices vary widely, depending on migrants’ life plans, family status, and a number of other external and internal factors.

Key words: Buryat migrants, intellectual migration, Western Europe, foreign languages, linguistic competencies, friendly contacts, English, Chinese

Article history:

Received: 14.04.2021

Accepted: 14.06.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project № 21-512-12002 NNIO_a “Forecasting methods and future scenarios for the development of language policy (on the example of the multilingual Russian Federation)”.

For citation:

Khilkhanova, E.V. 2021. “The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 255—267. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Введение

Постсоветская миграция из России на запад — тема довольно хорошо изученная, при этом полиэтническая и мультикультурная масса мигрантов из этого региона воспринимается под лейблом «русские» ввиду общего культурно-исторического прошлого и невысокого процентного соотношения представителей нерусских этносов в эмиграционном потоке. В данной статье предлагается посмотреть на российскую миграцию сквозь призму этничности и сделать это на примере одной этнической группы — бурят — и их миграции в страны Западной Европы. Тема бурятской миграции изучена неравномерно: в отличие от миграции на запад, движение бурят на восток, в первую очередь в Монголию и Китай, где ныне живут значительные по размеру бурятские диаспоры, многократно становилась объектом внимания ученых [1; 2].

При этом миграция бурят в Европу редко привлекала внимание исследователей. Существуют лишь единичные работы, в основном в рамках культурной антропологии, этнологии и социологии. В 2007—2008 годы был осуществлен проект по изучению бурятских иммигрантов в европейских странах под руководством австрийского антрополога и этнолога Штефана Криста (Венский университет). Этот проект является наиболее комплексным исследованием бурятских мигрантов на Западе, где данная группа анализируется с точки зрения таких значимых социальных параметров, как образование, религия, язык, социальные связи и т.д. Результаты проекта должны быть вскоре опубликованы в книге “Vater Baikal und seine WeltbürgerInnen: BurjatInnen in Europa: Beiträge zu sozialanthropologischer Migrationsforschung”. Также можно назвать следующие публикации о бурятских мигрантах в Европе: [3—7].

Мы полагаем, что бурятские мигранты являются интересным объектом для миграционных и диаспорных исследований из-за их изначальной этнической и культурной принадлежности к центральноазиатской цивилизации и конкретно к «монгольскому миру» — удобной научной метафоре, используемой для описания исторически сложившегося общего историко-культурного пространства, включающего в себя как огромные территории «исконного» расселения монгольских народов, так и более широкое географическое пространство, вовлеченное в орбиту современных миграций, ранее локализованных в границах Центральной

и Восточной Азии [8. С. 4]. «Бурятский кейс», однако, более сложен, чем миграция из центра современного «монгольского мира» — Монголии — ввиду того, что буряты на протяжении более 350 лет существуют в двойственном историческом контексте, являясь, с одной стороны, частью монгольского мира, с другой — частью России, ощущая себя, соответственно, частью и общемонгольской, и российской истории. При этом, по данным исследования [9], обыденное сознание бурят, их языковые установки за последние три века стали все же ближе к русскому этносу, чем к монгольскому, что еще раз доказывает, что фактор государственности (политический фактор) является определяющим для самоидентификации людей. По-видимому, достаточно смены нескольких поколений (как в случае с бурятами и монголами), чтобы политические границы укоренились и в сознании родственных этносов. Соответственно, бурятских мигрантов можно рассматривать в первую очередь как часть русской эмиграции и затем уже — монгольской.

Цель, методы и объект исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что роль языков в жизни постсоветских «этнических» мигрантов, сферы их использования и детерминированность социальными реалиями в постмиграционной жизни остаются малоизученными. С точки зрения лингвистического репертуара для бурят-мигрантов характерно естественное (бытовое) двуязычие (для тех, кто владеет бурятским языком) и искусственное (учебное) дву- или многоязычие. Целью данной статьи является изучение языковой компетенции исследуемой группы только в иностранных языках (L3-n), функционирования иностранных языков в их постмиграционной жизни, стратегий языкового поведения и обуславливающих их факторов. Также будет рассмотрена взаимосвязь между языками и социальным кругом общения бурят-мигрантов.

Для сбора данных по проекту в 2016 году в течение трех месяцев было проведено полевое исследование в странах Западной Европы, преимущественно в Германии и Франции, с использованием методов глубинного полуструктурированного интервью, включенного наблюдения, а также метода интроспекции. Всего было записано 22 интервью. Полученные сведения и стали материалом для настоящей статьи.

Следует сразу оговорить, что объект исследования ограничен двумя важными и связанными друг с другом характеристиками — высоким уровнем образования исследуемых мигрантов и легальностью каналов миграции. К моменту эмиграции почти все участники полевого исследования имели высшее образование (20 человек), один имел среднее профессиональное образование и одна участница, выехавшая в возрасте 13 лет, на тот момент еще училась в школе.

Это характерно, конечно, не только для бурят-мигрантов: в целом постсоветская миграция отличается от всех предыдущих волн «русской» эмиграции по уровню образования и профессиональных навыков, которые тесно связаны с проблемой «утечки мозгов» из России. К примеру, в США перепись населения 2000 года зарегистрировала очень высокий уровень образования среди прибывших россиян: более половины тех, кому больше 25 лет (52%), имели степень бакалавра и магистра. Только один из четырех американцев имел эквивалентный уровень образования (24%) [10]. В начале 2000-х годов 43% российских мигрантов в странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в возрасте

15 лет и старше имели высшее образование. Для иммигрантов из большинства других стран, включая ОЭСР, этот показатель был ниже (11%).

Таким образом, исследуемая группа представляет собой определенный сегмент в общем эмиграционном потоке, а именно интеллектуальную миграцию. В настоящее время понятие «интеллектуальная миграция» характеризует главным образом процессы выезда ученых и квалифицированных кадров для работы за пределами своей страны. Но единого содержательного определения феномена интеллектуальной миграции в научном дискурсе не существует. Исследователи обычно включают в него трансграничные перемещения научно-технических специалистов, иногда причисляя к мигрантам также творческую интеллигенцию и студентов, получающих образование за рубежом. Наиболее широкая трактовка подразумевает под интеллектуальными мигрантами всех получивших профессиональную квалификацию лиц, находящихся за рубежом более одного года [12. С. 21]. Именно такая — широкая — трактовка интеллектуальной миграции и принята в данной статье. Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии, используемые бурятскими мигрантами, составившими объект нашего исследования, обусловлены принадлежностью именно к такой категории мигрантов и, скорее всего, не могут быть экстраполированы на другие группы, например, неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию.

Обсуждение

Иностранные языки в лингвистическом репертуаре бурятских мигрантов

Иностранные языки — это именно та область, которая наиболее ярко показывает, как изменился характер миграции, сами мигранты и окружающий мир. Дело в том, что современная миграция становится все более мобильной, открытой и динамичной, по меньшей мере для интеллектуальных мигрантов. Используемая немецкими авторами категория Zielland (“destination country”) становится все менее релевантной, так как многие мигранты не приезжают в какую-либо страну с целью осесть в ней. Тем не менее пребывание в той или иной стране оставляет след в языковом репертуаре мигранта тем ощутимее, чем больше лет мигрант провел в данной стране. Так, популярность немецкого языка, которым владели 19 человек из 22 (86,3%), объясняется тем, что 17 информантов из 22 живут в Германии, а такие языки, как французский и датский, отражают пребывание информантов — в настоящий момент или в прошлом — во Франции и в Нидерландах.

Сегодня размываются границы между понятиями «временная миграция» и «циркулярная миграция». Все больше высококвалифицированные мигранты, в том числе и из современной России, начинают обращать внимание на такие факторы, как карьерные возможности, самореализация, достойные жизненные условия (например, медицинское обеспечение, шансы на образование для детей, жилищный комфорт) [13. С. 154]. Более того, и исследование А. Зигерта, и другие исследования показали, что при принятии решения «за» или «против» переселения в определенную страну большую роль играют неденежные мотивы миграции,

а именно: нестабильность, недостаток свободы, nepoтизм, а также коррупция и ограничение свободы слова. Неудовлетворяющая атмосфера для интеллектуальной деятельности на родине, ограниченная свобода действия, социальная неразвитость, дискриминация также являются описываемыми в литературе факторами, которые могут повлечь за собой эмиграцию [13. С. 154].

Среди опрошенных информантов не было тех, кто не владеет в той или иной степени (но, как правило, в хорошей) хотя бы одним иностранным языком, в подавляющем большинстве английским. Статистически в среднем на 22 информанта приходится 52 иностранных языка, т.е. более двух иностранных языков на одного человека (рисунок).

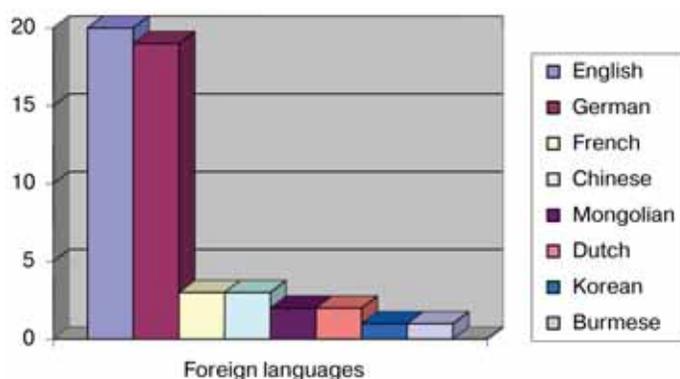

Рисунок. Иностранные языки в лингвистическом репертуаре бурят-мигрантов
Figure. Foreign languages in the linguistic repertoire of Buryat migrants

Дополнение этой общей статистики данными интервью и этнографическим анализом позволяет получить более детальное представление о факторах и мотивах, влияющих на выбор и использование иностранных языков. Лидерство английского языка — современного *lingua franca* — в лингвистическом багаже бурятских мигрантов отражает осознание ими этого факта и выбор соответствующих персональных лингвистических стратегий, позволяющих использовать свои лингвистические компетенции как символический ресурс для реализации профессиональных и личных целей.

В языковых практиках и стратегиях это проявляется по-разному: кто-то учит язык принимающей страны (если это не английский язык, которым почти все мигранты и так владели в той или иной степени еще до иммиграции) только в той степени, чтобы не иметь трудностей в бытовом общении. Такие стратегии поддерживаются и интернациональным кругом общения, где английский является основным (или единственным) языком коммуникации, и тем, что многие континентальные западноевропейские вузы предлагают обучение на английском языке. Есть и другие практики и стратегии, когда язык (например, немецкий или французский) изучается из-за интереса к языкам и разделяемых участниками установок об абсолютной ценности или прагматической полезности многоязычия.

И наконец, отдельного комментария заслуживает тот факт, что к ожидаемому для находящихся в Европе мигрантов знанию европейских иностранных языков в языковом багаже современных мигрантов присутствуют и восточные языки, в

первую очередь китайский, которым владеют 13,6% опрошенных. Растущая во всем мире популярность китайского как иностранного языка является прямым следствием увеличивающегося экономического могущества и политического влияния Китая, находящим отражение и на институциональном, и индивидуальном уровнях. В упоминавшемся уже исследовании [9] жителями Республики Бурятия — соседнего с Китаем региона — назывались следующие причины выбора ими китайского языка: «потому что это богатая страна», «Китай — ближайшая страна, куда можно легко и быстро съездить»; «их много (китайцев — Э.Х.)»; «чтобы знать, что пишут на товарах и на дошираке»; «возможно, поеду в Китай»; «этот язык, так же как и английский, становится международным», «живу рядом с границей Китая» и т.д.

Заметно, что движущей силой изучения китайского языка являются прагматичные, коммодификационные соображения, при этом имидж самих китайцев в глазах россиян (по крайней мере живущих в Бурятии) достаточно негативен [9. С. 117—119]. В основе же владения монгольским языком лежат совсем другие, не прагматичные мотивы, не связанные с коммодификационной ценностью монгольского языка. Они тесно связаны с характером этнической идентичности мигранта, со степенью его включенности в общемонгольскую культуру. В идентичности знающих монгольский язык мигрантов присутствуют все элементы бурят-монгольской культуры как в невербальном проявлении (знание и практикование религии, народных обычаев и ритуалов и т.д.), так и в вербальном — и сюда входит знание и бурятского, и монгольского языков.

Использование языков при основных дружеских контактах

Далее будет рассмотрен тип использования языка при основных дружеских контактах, перечисленных информантами; фактически это и наиболее важные коммуникативные области. Высчитывалось среднестатистическое количество контактов среди пяти наиболее близких людей, с которыми регулярно происходит «живое» общение. Эти усредненные цифры указаны в строке непосредственно под строкой с возрастными данными. Таким образом, к примеру, в среднем у мигранта в возрасте 25 лет и младше один близкий друг/подруга той же этничности, от 26 до 35 лет — несколько меньше (в среднем 0,8), от 36 до 45 лет — более одного друга (в среднем 1,3), и наибольшее количество — 1,4 или 2,2 близких друга — у мигрантов старше 46 лет. Вариативность в количестве друзей в последней группе объясняется разницей в интерпретации информантами бурят-монгольской идентичности (см. об этом ниже).

Все близкие дружеские контакты, рассмотренные сквозь призму этничности, позволяют распределить их на четыре группы: близкие друзья и партнеры (1) той же этничности, (2) другой этничности из бывшего СССР, (3) не из бывшего СССР и (4) из местных жителей. В дополнение к информации об этнической принадлежности близких друзей участников также просили определить языки, обычно используемые в общении с каждым из перечисленных контактов.

Любая категоризация, однако, условна и статична применительно к живым людям. В данном случае ее условность связана с проблемой бурят-монгольской идентичности и разницей в ее интерпретации бурятами-мигрантами. Некоторые

участники исследования считают бурят и монголов единым этносом, тогда среднее количество близких друзей на одного человека в категории 1 («близкие друзья и партнеры той же этничности») больше (2,2), если считать их разными этносами — соответственно, меньше (1,4). Эта же разница в интерпретации друзей-монголов влияет на цифры в категории 3 («близкие друзья и партнеры не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит “живое” общение»). Здесь цифры 0,2 / 0,8 для мигрантов старше 46 лет означают, что если считать друзей-монголов как «друзей не из бывшего СССР», тогда актуальна цифра 0,8, если они посчитаны в категории 1 — то в категории 3 верна цифра 0,2. Полученные результаты отражены в таблице.

Таблица/Table

Тип использования языка при основных дружеских контактах
[The type of language usage in communication with close friends]

Количество близких друзей и партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
1	0,8	1,3	1,4 / 2,2
Язык(и) общения			
Только русский	Русский и бурятский (25%) Только русский (75%)	Только русский	Русский и бурятский
Количество близких друзей и партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
2	1,6	1,6	2,4
Язык(и) общения			
Только русский			
Количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
1	0,8	0,6	0,2 / 0,8
Язык(и) общения			
Английский немецкий	Английский немецкий французский китайский	Английский	Монгольский
Количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
0,5	0,8	0,6	1
Язык(и) общения			
Вариативно, но с тенденцией перехода на язык принимающей страны			

Согласно полученным данным, количество близких друзей из России и постсоветских стран колеблется примерно от одного до двух; к примеру, самые молодые участники исследования в возрасте 25 лет и младше имеют в среднем двух друзей, в возрасте от 26 до 45 лет — менее двух, но больше одного, а самые старшие информанты — более двух. При общении с ними мигрантами всех возрастов используется только русский язык. Если же это друзья-буряты, то здесь лингвистические практики более диверсифицированы в зависимости от возраста участ-

ников: информанты в возрасте от 26 до 35 и старше 46 лет используют и бурятский язык, но в значительно меньшем объеме, чем русский.

Таким образом, еще раз подтверждается, что для мигрантов первого поколения из бывшего СССР русский язык играет роль коллективного объединителя иммигрантского сообщества и его прагматическая ценность схожа с той, какой он обладал в странах бывшего Советского Союза. Активные иммигранты обнаруживают в приписываемом им извне лейбле «русские» формулу своего делового успеха. Русский язык оказывается центральной категорией групповой идентичности постсоветских мигрантов и включается в концепцию производства [14]. Эти процессы могут также быть описаны в терминах коммодификации русского языка (о русском языке как *commodity* см., например: [15]).

В общении с друзьями и партнерами не из бывшего СССР (см. таблицу) используется широкий репертуар западных и восточных иностранных языков, среди которых безусловно доминирует английский. Как уже упоминалось, два иностранных языка в лингвистическом репертуаре информантов — это норма, а владение языками, используемыми в профессиональной деятельности, нередко приближается к владению родным языком (для большинства это русский язык). Это отнюдь не та категория мигрантов из бывшего Советского Союза, которые выезжали за границу с минимальным знанием иностранных языков, как, например, многие «поздние переселенцы» в Германии (*Spätaussiedler*) [16]. Именно здесь, в сфере иностранных языков принадлежность к интеллектуальной миграции видна особенно ярко. Так, например, одна из участниц опроса так отзывалась о своем уровне знания английского языка:

В сравнении с русским он все равно не в той степени, как мой русский, нет такой вот глубины, ширины, но он абсолютно свободный, т.е. я думаю на английском, ясны вижу на английском, я иногда с английского перевожу на русский, чтобы что-то сказать. Но опять-таки... иногда идиоматические выражения, которые можно понимать, только родившись в этой культуре. (Дари, 32 года, Швейцария 2016.)

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о том, что при описании современной миграции вместо понятия “*Ziellandsprache*” (“*language of the destination country*”) более уместно использовать понятие “*host country language*”, так как в большинстве случаев опрошенные мигранты оказались именно в этой стране по причине замужества или предложенных именно там возможностей для работы или учебы, а не в силу того, что эта страна изначально была целью миграции.

Многие, особенно молодые мигранты, рассматривают западноевропейские страны, в которых они находятся, скорее как промежуточную дестинацию. Подобно многим высококвалифицированным мигрантам, они готовы поменять место своего жительства в зависимости от карьерных и других перспектив. Это деактуализирует необходимость интеграции в стране, где мигрант находится в данное время, включая и установление дружеских контактов с местными жителями. В целом, освоение языка принимающей страны (отличного от английского) за-

висит от планов и семейного статуса мигрантов: если они уже осели в данной стране, женаты/замужем, имеют детей и стабильную работу, это автоматически влечет за собой изучение языка данной страны, если его не было в лингвистическом багаже мигранта еще до иммиграции. Поэтому, как мы уже говорили, количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение, больше всего у мигрантов старше 46 лет, которые уже давно живут в одной из западноевропейских стран и не собираются переезжать в другую¹.

Если хорошее владение иностранными языками характерно для интеллектуальной бурятской миграции в целом, то изменившийся характер современной миграции проводит своего рода водораздел между старшим и младшим поколением мигрантов. Молодые мигранты, еще не осевшие в какой-либо стране, видят мир как открытый и полный возможностей, имеют много интернациональных дружеских контактов, а многоязычие является одним из ресурсов для их дальнейшей самореализации. Немногочисленность и разрозненность бурятской миграции на запад ведет к ослаблению групповых идентификационных стратегий и к усилению индивидуальных, а также космополитичных тенденций.

Анализ связи языка и социальных сетей также показал, что бурятские мигранты только условно подпадают под понятие «этнической» миграции. Характер их дружеских контактов разнообразен и свидетельствует о том, что понятие *этнической социальной сети мигрантов* [17] неприменимо к данной группе в целом, а может быть применено только к микрогруппам внутри нее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на языковые практики бурятских мигрантов влияет отмечаемая многими исследователями мобильность и в целом изменение характера современной миграции. В исследовании временной и циркулярной миграции в рамках европейского проекта «Мобильные идентичности: миграция и интеграция в транснациональных сообществах» говорится, что точка зрения, согласно которой миграция нацелена на длительное присутствие, «оседание» на одном месте, должна быть пересмотрена. Если миграция буквально нескольких десятилетий назад была непременно проектом на всю жизнь, то сегодня именно мобильность формирует контуры современной миграции. Соответственно, в политической перспективе временная и циркулярная миграция должна пониматься в таком глобализированном контексте — контексте, в которых такие понятия, как «транснациональный» и «мобильность» объединяются вместе, чтобы играть ключевую роль [18. С. 2].

Список литературы

1. *Namsaraeva S. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home // Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (eds.) Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border . Cambridge, UK: Open Book Publishers. 2012. DOI: 10.11647/OBP.0026*

¹ Практически все опрошенные мигранты не исключают возвращения в страну исхода, но это уже другой вопрос.

2. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010.
3. *Башкуев В.Ю.* Формы самоорганизации монгольских диаспор и некоторые аспекты их институализации в западных странах (Европейский союз и США) // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015.
4. *Нанзатов Б.З.* Российские монголы в Европе: опыт адаптации бурят и калмыков в странах Евросоюза // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение». С. 90–98.
5. *Нанзатов Б.З.* Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 88–100.
6. *Хилханова Э.В.* Буряты-мигранты в Европе: монголы или русские? // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.) / науч. ред. Г.С. Доржиева; отв. ред. Л.М. Орбодоева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 171–177.
7. *Хилханова Э.В.* Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект // Социоллингвистика. 2020. № 1. С. 63–78. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78.
8. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015.
9. *Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б.* Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука: Восточная литература, 2016.
10. *Denisenko, M.* Historical and Current Trends in Emigration From Russia. 2013. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top (дата обращения: 10.06.2020).
11. *Dumont, J.-C., Lemaître, G.* Counting Immigrants and Expatriates: A New Perspective. 2005. Paris: OECD.
12. *Боришполец К.П.* Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2014.
13. *Зигерт А.* Трансмиграция высококвалифицированного персонала — вызов для кадрового менеджмента. Размышления на примере российских специалистов и руководителей // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарная экспертиза. 2009. № 4. С. 152–161.
14. *Дариева Ц.* Манипулирование идентичностью: взгляд на русскоязычную прессу в Берлине. Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве: материалы международного семинара / отв. ред.: О. Бредникова, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_darieva.htm (дата обращения: 05.07.2020).
15. *Павленко А.* Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 23–32.
16. *Römhild R.* Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market — The Case of Russian German Immigrants // Workers and narratives of survival in Europe: the management of precariousness at the end of the twentieth century / edited by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. 2004. Pp. 197–216.
17. *Рзаева С.В.* Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9.
18. Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). URL: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. (дата обращения: 10.01. 2021).

References

1. Namsaraeva, S. 2012. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home. In: Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (eds.) *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. DOI: 10.11647/OBP.0026
2. *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*: collection of articles. 2010. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. 162 p. Print. (In Russ.)
3. Bashkuev, V. 2015. "Formy samoorganizatsii mongol'skikh diaspor i nekotorye aspekty ikh instiutalizatsii v zapadnykh stranakh (Evropeyskiy soyuz i SShA)". In *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. Issue 3: collection of scient. articles. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. Pp. 46—61. Print. (In Russ.)
4. Nanzatov, B.Z. 2016. "Rossiyskie mongoly v Evrope: opyt adaptatsii buryat i kalmykov v stranakh Evrosoyuza". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie» 18*: 90—98. Print. (In Russ.)
5. Nanzatov, B.Z. 2017. "Buryatskie i kalmytskie diasporы v stranakh Evrosoyuza: osobennosti formirovaniya i zhiznedeyatel'nosti diaspor". In *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*: collection of articles. Issue 4. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian branch of the RAS. Pp. 88—100. Print. (In Russ.)
6. Khilkhanova, E.V. 2018. "Buryaty-migranty v Evrope: mongoly ili russskiye?" In *Jazyk-kul'tura, myshlenie-poznanie. Integrativnye issledovaniya Proceedings*. Ulan-Ude, 28—30 June 2018. Ed. by G.S. Dorzhieva; L.M. Orbodoeva. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta. Pp. 171—177. Print. (In Russ.)
7. Khilkhanova, E.V. 2020. "Mnogoyazychie postsovetskoy migratsii: funktsional'nyy aspekt". *Sociolinguistic Studies 1*: 63—78. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78. Print. (In Russ.)
8. *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. 2015. Issue. 3: collection of scient. articles. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. Print. (In Russ.)
9. Khilkhanova, E.V., G.A. Dyrkheeva, Lyubimova, L.M., and D.B. Sundueva. 2016. *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zHITELEY prigraničnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykalskogo kraja)*; East Siberian State Institute of Culture; Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the RAS. Moscow: Nauka — Vostochnaya literature. Print. (In Russ.)
10. Denisenko, M. 2013. *Historical and Current Trends in Emigration From Russia*. Web. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top. Access date: 10.06.2020.
11. Dumont, J.-C., and G. Lemaître. 2005. *Counting Immigrants and Expatriates: A New Perspective*. Paris: OECD.
12. *Intellectual'naya migratsiya v sovremennom mire: uchenoye posobiye*. 2014. Ed. by M.M. Lebedeva; Moscow State Institute of International Relations (university) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Department of World Political Processes. Moscow: MSIIR-University. Print. (In Russ.)
13. Siegert, A. 2009. "Transmigratsiya vysokokvalifitsirovannogo personala — vyzov dlya kadrovogo menedzhmenta. Razmyshleniya na primere rossiyskikh spetsialistov i rukovoditeley". *Znanie. Ponimanie. Umenie. Gumanitarnaya ekspertiza 4*: 152—161. (In Russ.)
14. Dariyeva, T.S. 2000. "Manipulirovaniye identichnost'yu: vzglyad na russkoyazychnuyu pressu v Berline". In *Etnichnost' i ekonomika v postsotsialisticheskom prostranstve Proceedings*. Ed. by O. Brednikova, V. Voronkova, Ye. Chikadze. Saint Petersburg. Web. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_dariyeva.htm. Access date 05.07.2020. (In Russ.)
15. Pavlenko, A. 2016. "Russkiy jazyk kak lingva franka v zarubezhnoj sfere obsluzhivaniya". *Mir russkogo slova 1*: 23—32. Print. (In Russ.)
16. Römhild, R. 2004. "Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market — The Case of Russian German Immigrants". In *Workers and narratives of survival in Europe: the management of precariousness at the end of the twentieth century*. Ed. by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. Pp. 197—216.

17. Rzaeva, S.V. 2015. “Etnicheskaya sotsial’naya set’ kak mekhanizm migratsionnykh protsessov i adaptatsii migrantov v priniyayushchem obshchestve: o ponyatii i ustroystve”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 395: 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9. Print. (In Russ.)
18. *Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities* (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). Web. URL: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. Access date: 10.01. 2021.

Благодарности:

Автор благодарит многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, я признательна Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку полевого исследования по данному проекту. Во-вторых, я хочу поблагодарить всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на мои вопросы. И, наконец, я хотела бы выразить свою благодарность профессору д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям института Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле).

Acknowledgments:

The author thanks the many people and organizations who contributed to this research. Firstly, I am grateful to the German Academic Exchange Service (DAAD) for financial support of the field research for this project. Secondly, I want to thank all the anonymous informants who shared their life stories and sincerely answered my questions. Finally, I would like to express my gratitude to Professor Dr. Gunther Schlee, staff and researchers at the M. Planck Institute of Social Anthropology (Germany, Halle).

Сведения об авторе:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Bio Note:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Center for National and Linguistic Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru